

ПОЛИНА РЕЙ

РАЗВОД

КАК ТЫ МОГ, ПАПА?

Полина Рей

Развод. Как ты мог, папа?

«Автор»

2024

Рей П.

Развод. Как ты мог, папа? / П. Рей — «Автор», 2024

В дверь колотят так, что она едва не слетает с петель. Открываю и вижу перед собою взбешённого мужа. Бывшего, слава богу. - Рита?! - выдыхает он, не скрывая восхищения. Могу поклясться - секундой раньше он готов был меня убить. - Рита, Рита, - киваю я, складывая руки на груди. - По какому поводу? Он треплет свои волосы ладонью. Сжимает их в горсть и отпускает. Нервничает, значит. - А что? Мне нужен повод? - улыбается довольно и уверенно. - После того, как ты обозвал меня толстой и потребовал развода? А потом изменил со своей моделькой Лизонькой? Определённо! - отвечаю с вызовом. Пусть убирается ко всем чертям! Или к своим Лизеттам, Мюзеттам и прочим Жоржеттам. Но у Красовского, кажется, свои планы. - Если бы ты сказала мне тогда, что беременна и уже на сносях, развода бы не было! - Это не твой ребёнок! - тут же заявляю возмущённо. - Тогда почему в свидетельстве о его рождении я значусь отцом?

Полина Рей

Развод. Как ты мог, папа?

Глава первая. Явление бывшего мужа

Грохот во входную дверь был таким сильным, что мне показалось, будто она вот-вот слетит с петель. Вариантов того, кто это мог бы быть, у меня в наличии имелось несколько. Первый и самый вероятный – доставка торта, которая прибыла раньше.

Мы как раз праздновали четырёхлетие моей дочери Маруськи. Мы – это я, мой отец, сама Маруся, разумеется, а ещё семейная пара моих лучших друзей – Артур и Люба с пятилетним сыном Арсением. Собрались в гостиной, я накрыла на стол – сделала домашние бургеры, несколько салатиков и горячее. Заказала торт, который должны были доставить к семи вечера. И вот на часах пять, а в дверь бабахают. Наверное, ногой, потому что звук был такой, как будто курьер намеревался снести стену целиком.

Второй вариант – соседка снизу, которая давала нам с Маруськой «прикурить». Регулярно жаловалась то моему папе, то остальным соседям на то, что мы себя очень шумно ведём. Мы действительно могли пошуметь. Например, включить музыку и побеситься, но делали это исключительно в установленное законом время.

Направляясь открывать и надеясь, что это всё же торт, я предполагала, что к нам с Марусей вполне мог заявиться мой ухажёр, с которым мы расстались больше месяца назад, но который всё никак не мог забыть дорогу в нашу квартиру. Приходил по поводу и без, ныл о том, что всё ещё меня любит. Мог и каким-то чудом вспомнить про день рождения Маруси, хотя в этом я очень сильно сомневалась.

Когда распахивала дверь, в неё как раз снова начали стучать, да так усердно, что я даже растерялась. А когда открыла, к растерянности прибавилось состояние шока, потому что по ту сторону стоял мой взбешённый муж. Слава богу, бывший.

Впрочем, взбешённость, которую он испытывал отчего-то по отношению ко мне, очень быстро испарилась. В глазах Роберта мелькнуло восхищение, оно было смешано с неузнаванием. И я его прекрасно понимала – от прошлой меня не осталось и следа. Это раньше я была на тридцать килограммов больше, хоть они и распределялись в своё время не самым безобразным образом, а сейчас во мне всего пятьдесят пять, а фигурка такая, что можно закачаться.

– Рита? – выдохнул Роберт, а восхищение стало совсем уж заметным.

Клянусь, прибыл он ко мне с другой целью и ещё минутой раньше был готов меня убить.

– Рита, Рита, – кивнула я, сложив руки на груди.

Предварительно плотно прикрыла за собой дверь, чтобы любопытный носик Маруськи не выглянул наружу и не сдал меня с потрохами, после чего уточнила:

– По какому поводу?

Очень надеялась, что Красовский просто ошибся дверью. Шёл к очередной своей любовнице, заблудился и попал по старой памяти в нашу бывшую квартиру. Эта версия мне очень нравилась, но была она, мягко говоря, нежизнеспособной, потому что, судя по лицу Роберта, он приехал именно ко мне с какой-то конкретной целью.

Какое-то время бывший муж просто молчал. Трепал волосы на затылке ладонью и смотрел на меня во все глаза. Это означало, что он нервничает – я очень хорошо успела изучить этого человека, чтобы знать это наверняка.

– А что? Мне нужен повод? – растянул губы в улыбке Красовский. – Я думал, что могу забежать к тебе на огонёк...

Ещё чего не хватало! Может он забежать... Мимо он может забежать – вот куда. Да и не делал этого ни разу за последние четыре с лишним года.

– После того, как ты обозвал меня толстой и потребовал развода, а потом изменил со своей моделькой... как её там? А! Лизонькой! Да, думаю, что тебе нужен не просто повод, а пинок, чтобы ты вообще забыл сюда дорогу!

Я не удержалась и выдала Роберту всё, что сейчас было на душе. Да и не только сейчас, а на протяжении последних лет. Это было гнетущее чувство обиды. Так себя ощущают люди, которые делали только хорошее, а им со всей дури врезали по голове за все их проявления.

А вообще, пусть Красовский убирается к чёрту к своим Лизеттам, Мюзеттам и прочим Жоржеттам!

– Если бы ты сказала мне тогда, что на сносях и вот-вот родишь, развода бы не было, – процедил он.

Вот спасибо, благодетель! Я ведь и сама тогда не знала, что причиной стремительно набранного веса является ещё и беременность. С гормонами у меня до родов было мягко говоря не особо хорошо, страдать избыточными килограммами я стала ещё в юности. Меня и Роберт полюбил такую – пухленькую, но без чего-то криминального. А потом я действительно набрала довольно много, но в итоге оказалось, что причиной тому ещё и беременность.

«Как можно не заметить этого состояния?» – спросите вы. Да очень даже возможно, и таких историй тьма. А если залёт накладывается на регулярные гормональные сбои, а сама беременность проходит без токсикозов – то вполне можно не знать о ней и до поздних месяцев. Как это и было у меня. Обнаружилось, что под моим сердцем живёт Маруська, только когда до родов оставалось восемь недель. И когда я, зарёванная и чувствующая себя так, как будто вот-вот умру, отправилась ко врачу. Каково же было моё изумление, когда он поставил мне диагноз – беременность.

– Это не твой ребёнок! – заявила я Роберту.

Не дай бог он сейчас начнёт копать и выяснит правду. Последнее, чего бы я желала своей дочери, чтобы она общалась с отцом, который так уничижительно отнёсся в своё время к её матери.

– Тогда почему в свидетельстве о его рождении я значусь отцом? – прищурившись и сложив руки на груди, задал вопрос Красовский.

Это загнало в тупик. Свидетельство о рождении лежало у меня в шкафчике и доступа к нему у Роберта уж точно не имелось. Поэтому я сделала то единственное, что пришло мне в голову – запрокинула голову и расхохоталась.

Бывший муж терпеливо ждал, пока мой псевдо-приступ веселья пройдёт, просто наблюдал за мной и в глазах его разливалось нечто вроде удовлетворения. Он получал удовольствие от этой сцены! И от ситуации в целом. А вот я – отнюдь.

– Что за глупости, Роберт? – перестав хохотать, задала я риторический вопрос.

– М-м-м, дай подумаю... – протянул он. – Как считаешь, тот факт, что мне могут отказать в визе из-за того, что я скрыл в анкете своё отцовство – это глупость, или нет?

Чёрт... Ну вот как такое вообще могло произойти? Да, я зачем-то вписала в свидетельство о рождении Маруськи Роберта, но рассчитывала, что он об этом никогда не узнает.

Ответить на вопрос бывшего мужа я не успела. Да и не смогла бы это сделать по той причине, что не знала, что ему сказать. Дверь в квартиру приоткрылась и на пороге появились-таки две мордашки. Маруси и Арсеньки.

– Mamочка, ты скоро? – спросила дочка.

Не зажимать же детей дверью, в самом-то деле! И не теснить их обратно в квартиру в попытке спрятать Машу от отца.

– Здравствуйте, – поприветствовала она Красовского, выходя в общий коридор. – Я Мауся! Мне сегодня четыре годика!

С буквой «р» у нас пока всё не было так хорошо, как хотелось бы, поэтому дочь, растопырившая пальчики, чтобы показать Роберту, сколько ей исполнилось, иногда глотала этот звук.

– Поздравляю... – растерянно проговорил Красовский и снова стал взъерошивать пальцами волосы на затылке.

– Мы играем в индейцев, хотите с нами? – вступил в беседу Арсений.

Не дав возможности Робу отреагировать, я заявила:

– Дядя уже уходит! Он ошибся адресом, я ему сообщила, куда он должен идти, поэтому никаких индейцев!

Говоря это, я открыла дверь шире и попыталась завести детей в квартиру. Красовский прытко схватился за ручку, чтобы не дать мне запереться, когда мы все втроём оказались бы в прихожей.

– Мы не договорили! – прогремел его голос.

– Договорили! И дядя сейчас же идёт на три буквы! – рывкнула я, вцепившись в дверь, чтобы её захлопнуть. – Вы спрашивали про проспект Кима – вот Ким вас и ждёт!

Мне на помощь пришла Люба. Выглянув на звук, она всё поняла без слов. Подбежала к нам, взяла детей за руки и увела, пока я безуспешно боролась с Робертом за право закрыть уже дверь, оставив его по ту сторону квартиры.

– Рита, мы не договорили! – процедил Красовский, когда я чуть ли не повисла на двери, упираясь ногами в порог.

Тащила тяжёлое металлическое полотно на себя изо всех сил, чтобы только избавиться от общества бывшего мужа.

– Рита, мы не договорили! – рыкнул Роберт в третий раз, но в этот момент его отвлекла соседская собачка по имени Джимбо.

Таксёныш кинулся в ноги Красовскому, он выпустил дверь, чем я и воспользовалась, наконец закрыв ту и заперев на все замки. Предполагала, что бывший муж так просто от меня не отстанет, но он бабахать больше не стал. Спасибо, Джимбо и Николаю Петровичу из соседней однушки!

Пройдя на кухню, я достала из шкафчика крохотную склянку с бабулиной спиртовой настойкой зверобоя. Сама бабушка жила в деревне, где и занималась вот такими заготовками. За тем, что я накапала себе в стакана пару сотен капель успокоительного и, чуть подумав, присовокупила к этому ещё триста, меня и застала Люба.

– Дети вроде опять увлечены своими индейцами, – сообщила мне подруга, доставая бокал.

Дождалась, пока я плесну и ей пару глоточков чудодейственного напитка, после чего, присев за стол, велела:

– Рассказывай всё!

Ну а что я могла ей рассказать? С Любой и Артуром мы познакомились на детской площадке. Это произошло, как вы поняли, уже после того, как я развелась с Красовским. О Роберте подруга знала немного. Я вкратце рассказала ей про нашу с ним жизнь, его измену, то, как он меня обидел, ну и на этом всё. Больше мы темы Роба не касались. Марусе я правду тоже озвучила – её папа с нами не живёт и о ней ничего не знает. На этом дочь успокоилась и мне казалось, что она нормально относилась к тому, что у Арсения есть отец, а у неё – нет. Тем более, что Артур, как мог, заполнял её пробелы в том, что касалось общения со значимыми взрослыми.

– Это был Роберт, он знает, что у него есть дочь, – сказала я подруге, взглянув на неё сердито.

Рассерженность направлена была, конечно, не на неё, что Люба понимала однозначно.

– Так, и что мы с этим будем делать? – спросила она.

А что мы с этим могли сделать? Сбежать на другую планету, где Красовский нас не отыщет? Притвориться, что ничего не случилось, в надежде на то, что Роберт отстанет от нас и

решит, что раз он не знал про Марусю четыре года, так самым верным будет не знать ещё лет пятьдесят?

– Уверена, что он не вернётся, – заявила я, сложив руки на груди.

Зверобой немного подействовал, оказывая именно тот эффект, которого я от него и ждала. Надо будет наведаться к бабуле и пополнить запасы этого напитка.

– А я уверена в обратном, – проговорила Люба. – Я хоть его лицезрела недолго, но видела, как он на тебя смотрел.

Фыркнув на это замечание, я процедила зло:

– Смотрел он на меня, ага! Я помню, как Отче наш, что он сказал мне тогда! Ты расплылась, я тебя не хочу, Рита. Знаешь, получить такое от любимого мужа – то ещё удовольствие!

Вскочив на ноги, я метнулась к окну и оперлась на подоконник руками. Сейчас, как наяву, в памяти проносились те картинки ссоры, из которой мы с Красовским вышли без пяти минут разведёнными людьми. Началось всё с того, что он принёс мне в подарок на годовщину знакомства абонемент в фитнес зал. И я бы, возможно, восприняла это нормально, если бы не тот факт, что я уже еле передвигалась. У меня болели кости, особенно в районе таза, я с трудом вставала с постели. И нет, чёрт побери! Толстухой, которую не объять, я не являлась! Но почувствовала себя на пару центнеров больше в тот момент, когда Роберт вручил мне «подарок», а на лице его была такая счастливая улыбка, как будто он выиграл миллиард.

– И знаешь что? Если бы не тот его поход налево к Лизоньке, этой длинноногой газели-модельке, которая была полной моей противоположностью, я бы, может, и проглотила то оскорбление, – задумчиво проговорила я.

– Да как вообще у него язык повернулся сказать, что ты расплылась? – возмутилась Люба.

Я повернулась к ней и горько улыбнулась. Роберт не был образцом сдержанности и порой подкалывал меня из-за лишнего веса. Но делал это довольно безобидно... или это мне так казалось, потому что я была до безумия влюблена в собственного мужа. Однако тогда я и впрямь могла на многое закрыть глаза, но только не на измену.

Да, я не сдержалась после его подарка, мы крепко поругались, в ходе чего я и выяснила всё, что у Красовского имелось на душе в сторону моей полноты, но я могла его простить за ранящие слова, если бы он тут же не побежал удовлетворять свои потребности к этой чёртовой Лизе!

– Ладно, Люб, давай сворачиваться, – указала я на бокалы и бутылёк зверобойной настойки. – Не планировали ведь пить на детском празднике, – покачала я головой.

– А мы и не пили, – запротестовала Люба. – Так, немного смочили горло из-за явления твоего бывшего мужа.

Быстро спрятав все «следы преступления», мы с подругой вернулись обратно на праздник. Мне сразу почудилось, что Маруська какая-то задумчивая. Обычно она была такой, когда её маленькую головку занимали какие-нибудь жутко важные мысли. Например, очень сильно она задумалась о том, почему у рыжей кошки Муси, что жила у нас в подъезде, родились два трёхцветных котёнка. Или почему дедушка, когда смотрит хоккей, считает, что по льду бегают не люди, а бараны. Вот и сейчас она погрузилась в себя и я искренне надеялась, что виной тому не приход Красовского, который спутал мне все карты.

– Мама, а кто это был? – все же задала она вопрос, забравшись на диван рядом со мной, на котором я сидела в ожидании момента, когда принесут торт.

Сама делала вид, что смотрю телевизор, но тоже не могла совладать с тем, чтобы держать мысли по отношению к Роберту в узде.

– Тот дядя, который перепутал адреса? – как можно спокойнее спросила я у дочери. – Просто какой-то мимо проходящий тип.

Моё объяснение, похоже, Маруську ни капли не удовлетворило. Она нахмурилась и стала вертеть в ручках плюшевую куклку – один из сегодняшних подарков.

– Жалко... а я думала...

Она не договорила, когда в дверь снова постучали. Искренне надеясь, что это курьер с тортом, которого мы все так ждали, я переглянулась с Любой и пошла открывать. Взглянула в глазок и выдохнула с облегчением – мои надежды оправдались.

Однако стоило мне только распахнуть дверь, как несчастного курьера отодвинула в сторону рука Красовского, который появился сбоку, словно чёртик из табакерки. Сам же бывший муж, нарисовавшись передо мной и Маруськой, что выбежала встречать торт, придвинул в нашу сторону гигантскую коробку с конструктором, что стоил пять моих месячных зарплат, и проговорил:

– С днём рождения, доченька!

Что-о-о? Убыю гада и даже не пожалею, если меня за это ненадолго посадят, потому что судья меня в итоге оправдает.

– Молодой человек, перестаньте заниматься ерундой! – процедила я, с ужасом видя, как на личике дочери проявляется восторг.

Она, сложив ручки перед собой, с восхищением смотрела... вовсе не на конструктор. А на Красовского, будь он тысячу раз неладен! И я бы так не реагировала, если бы Роберт, скажем, искал правды, докопался до того, что у него родилась дочь, и вот сейчас прибыл каяться, дарить подарками и просто любить своего ребёнка, как и полагалось. Но он приехал сегодня по весьма прозаическому поводу – устроить мне разнос из-за неполученной визы. А остался только потому, что теперь я, видите ли, подходила под его стандарты красоты.

– Роберт, что ты вообще творишь? – проревел мой отец, оказавшись рядом.

Он подхватил Маруську на руки, она, нахмутив бровки, повернулась к нему.

– Деда, ты знаешь этого дядю?

Когда мы с Красовским были женаты, у них с моим отцом были просто идеальные взаимоотношения. Иногда даже в шутку они объединялись против меня, когда нужно было сделать так, чтобы я отпустила Роба на рыбалку с папой. Но после того, как поступил со мной муж, папа записал его в личные враги, о чём мне не раз говорил.

– Я знаю этого дядю и лучше бы ему взять свои дары и идти отсюда восвояси, пока я ему не надавал по зубам! – проговорил папа.

– Вовсо... восово... а где это? – удивилась Маруська.

– Это там же, где раки зимуют! – окончательно сбил мою дочь с толку отец.

– Вы будете торт принимать? – спросил несчастный курьер, успев вклиниться в эту сцену до того, как здесь случится какое-нибудь побоище.

– Будем! – опять встрял Красовский.

Он быстро вытащил из бумажника пару крупных купюр, сунул в карман курьеру, даром, что торт был уже оплачен, и, взяв кондитерское чудо из его рук, спросил:

– Куда нести?

Моё желание поколотить Роберта достигло апогея. Я понимала, зачем он это делает – когда у него в руках настолько ценный продукт, никто его трогать не станет. Курьер же, получив деньги, исчез, словно его и не было, а я вздохнула, предполагая, что если попытаюсь отобрать торт, то Маруськин праздник будет испорчен.

– Папа, проводи Машулю в квартиру к Арсению, мы сейчас приготовим свечки и её позовём.

Отец после некоторого колебания всё же ушёл, но я слышала, как Маруська спрашивает у него что-то про «доченьку».

– Зачем тебе это надо, Красовский? – прошипела я, когда Роберт собрался зайти в квартиру следом за моими отцом и дочерью.

Встала у него на пути и не дала ему этого сделать. Придётся чуть приподниматься на носочках и беседовать поверх коробки, но это ерунда.

– Надо что? Познакомиться с моим ребёнком, которого от меня скрывали? – вскинул он бровь.

– Я родила её не от тебя!

– А от кого? – хмыкнул он. – Я всё подсчитал, она появилась на свет совсем скоро после нашего развода. И почему скрывала беременность, я не понимаю!

Да господи боже, что же за болван?! Если он помнил про наши последние месяцы вместе, то сразу бы понял, что я попросту не знала!

– Роберт, – сказала я как можно спокойнее, хотя этого чувства во мне не было ни на грамм, – давай ты отдашь мне торт, заберёшь свой подарок и я совру Маруське, что ты нам всем просто привиделся, – попросила у Красовского. – Я не хочу, чтобы ты баламутил тут нашу жизнь, которая прекрасно происходит без твоего участия! Ты даже не знал, что у твоей... в смысле, как ты считаешь, твоей дочери сегодня день рождения! И если бы она сама тебе об этом не сказала, то ты счёл бы совершенно нормальным свой приезд в разгар детского праздника! Без подарка и с целью выяснить то, что важно только тебе. Зачем ты вообще нам такой сдался?

Чем больше я говорила, тем стремительнее менялся в лице Красовский. Сначала он помрачнел, потом растерялся, потом на лице его появилось то упрямое выражение, которое я знала досконально.

– Я иду к дочери! – заявил он и вдруг действительно двинулся на меня с тортом наперевес.

Пришлось действовать быстро, потому что вариантов было два: или коробка с шедевром, украшенным по мотивам мультика Моана, расплющилась бы между нашими телами, или я бы проявила чудеса прыткости и распахнула бы перед Робертом дверь.

Пришлось, как вы понимаете, выбирать второе. И вот уже Красовский входил в квартиру и нёс перед собой торт так, как будто это был бесценный бюст Ленина, а он сам – отъявленным коммунистом.

– Поставь его на кухне и убирайся! – велела я Робу.

– И не подумаю! – ответил бывший муж.

Он внёс торт и установил коробку на столе, а сам зашёл за него и опёрся ладонями на спинку стула.

– Я хочу поприсутствовать на чаепитии, а потом мы с тобой оставим Марусю дедушке и пойдём в кафе поговорим, – проговорил Роб безапелляционно.

От такой наглости я даже забыла, где у меня лежат свечи.

– Мне не о чем с тобой говорить, Роберт. Просто скажи в своём чёртовом визовом центре, что ты забыл и у тебя действительно есть дочь!

Наши взгляды скрестились. Мой, как я надеялась, прожигал в Красовском дыру, а вот что таилось в его глазах, мне совершенно не нравилось. Потому что я читала в них такой восторг, что желание придушить Роба становилось всё нестерпимее с каждой секундой. Но воплотить в реальность эти мечты мне не позволил мужской голос:

– Милая, не представишь меня своему бывшему? – спросил он с нотками ледяной надменности и мне на плечи легла... рука Артура.

Занавес...

Нет, я понимала, что это, скорее всего, затейница-Люба подослала мужа, чтобы он разыграл перед Красовским весёлую сценку... Но они же вообще не знают Роба! Если он себе вбил в голову, что останется с нами пить чай, его с места не сдвинешь. Разве что папа и Артур попытаются вывести его прочь под белы ручки, но и тогда Красовский будет драться... А как вы помните, последнее, чего я хотела, чтобы день рождения Маруськи окончательно превратился в кавардак. Хотя, кажется, тот факт, что всё уже летит в тартарары и этот процесс неуправляем – был неоспоримым.

– Это... да... мой бывший муж Роберт, – проговорила я, когда Артур притянул меня ближе к себе.

Красовскому это очень не понравилось. И даже если – точнее, когда – правда о том, что рядом со мной находится чужой муж, вскроется, сейчас я испытывала что-то вроде закрытого гештальта. Ну, или закрывающегося в данную секунду – неважно.

– А это Артур. И он очень не любит, когда наше пространство нарушают чужаки!

Я прижалась к мужу подруги. Делать это было весьма... странно. Но раз Люба сама пожертвовала на время супругом, значит, так тому и быть.

– Вот и хорошо, – сложил руки на груди Красовский. – Я тоже этого очень не люблю. Артур, ты видимо, не в курсе, но я – папа Маруси, – проговорил Роберт, глядя на мужа Любы так, что если бы взгляд мог уничтожать, Арсенька бы лишился отца.

– Я не в курсе, да мне на это, собственно говоря, плевать. Маша считает меня своим папой, а мы с Ритулей скоро поженимся.

Он чмокнул меня в висок, а я в этот момент застыла статуей. Чёртов Красовский! Ну что же ему дома-то не сиделось? Или отчего он в безвиз какой-нибудь не собрался?

– О, вот как? – хмыкнул Роберт.

Он старательно делал вид, что воспринял всё совершенно спокойно, но я-то видела по нему, как сильно его это задевает. Хотя, с чего бы это? У нас была теперь совершенно иная жизнь вне друг друга, и если сейчас Красовский выйдет из моей квартиры и исчезнет – ничего не изменится.

– Да, именно так. Поэтому давай-ка ты перестанешь играть в папулю для дочери, которую не видел ни разу в жизни, и просто выйдешь вон, – предложил Артур.

Теперь уже он, выпустив меня из своих объятий, опёрся руками на спинку стула и подался к Красовскому. Их разделяли лишь стол и стоящий на нём торт. И тягучее молчание, от которого у меня даже в ушах зазвенело.

– Маруся! – неожиданно гаркнул Роберт.

Сволочь! Гад! Решил использовать ребёнка!

– Только попробуй ей выдать что-то, от чего она потом будет плакать и страдать! – процедила я, бросившись в Красовского тем, что первое попало под руку.

Ловко перехватив в воздухе кухонное полотенце, Красовский пообещал:

– Я не сделаю ничего против собственного ребёнка.

– Тогда просто уберись прочь и больше не возвращайся! – отчеканила я.

Ответить мне на это явным отказом, который читался на лице, Роб не успел. На кухню вбежала Маруська, которая оглядела нас с удивлением.

– Мапочка, а свечек не будет? – расстроено спросила она.

Едва ли не взвывая от того, что всё шло по одному известному всем месту, я вытащила из шкафчика упаковку свечей, сунула их в руки Красовскому и проговорила так, чтобы меня слышал только он:

– Не справишься с этим, куплю тебе в аптеке геморроидальные и вставлю в нужное место! Сразу всю пачку!

– Ты прямо так и напрашиваешься, чтобы я специально лоханулся, – усмехнулся тот и окинул мои губы жарким взглядом.

Я отпрянула от несносного, после чего, взяв Марусю за ручку, увела из кухни, сказав:

– Сейчас дядя Роб свечки сделает и принесёт торт, чтобы ты их задула.

Дочка же, уходя со мной из кухни в сопровождении Артура, ответила:

– Хорошо, что он пока не поехал смотреть на своих раков.

Я закатила глаза – похоже, Маруська весьма тепло отнеслась к Красовскому. Даром, что видела его впервые в жизни.

Оказалось, что дети уже принесли из коридора подарок при помощи деда.

– Не пропадать же добру! – сказал мой отец, когда мы расселись полукругом за невысоким столиком, где планировалось чаепитие. – К тому же, на коробку мог помочиться Джимбо.

Я рассеянно кивнула. Увлечённо играющие с конструктором дети были наименьшим злом, притаившимся в стенах моей квартиры. Основное находилось на кухне, где чертыхалось, видимо, в попытке зажечь свечи. Хорошо, что их было всего четыре, а не четырнадцать.

– И что теперь нам делать? – приглушённо спросила я у Любы, которая сидела рядом. – Артур и наша ложь меня, как ты понимаешь, от Красовского не избавили.

– Да и ладно, – пожала плечами подруга как ни в чём не бывало. – Подраконить его лишним не будет. Он на тебя смотрит так, как будто умирает от жажды несколько дней, а ты – источник живительной влаги.

Вышло довольно двусмысленно, я нервно фыркнула, но ответить подруге не успела. В комнату наконец-то зашёл Роберт, несущий торт с зажжёнными свечами. Одна из них уже прогорела наполовину – видимо, её он подпалил первой, а с остальными пришлось повозиться.

– С днём рождени-я-я, до-о-очь! С днём рождения-я-я, до-о-очь! – запел Красовский, а мои глаза расширились от ужаса.

Мне на помощь пришли остальные, затянув эту песню, да так, что в словах уже было ничего не понять. Когда же мы допели и Роберт поставил торт на стол, а Маруська с восторгом задула свечи, предварительно загадав желание, я уже собралась было сказать Красовскому, что он может проваливать ко всем чертям, но он, ловко обогнув стол, подхватил мою дочь на руки и вдруг сделал то, чего я никак не ожидала.

Вклинился аккуратно между мною и сидящим рядом Артуром, плюхнувшись на диван и усадив на колени Машулю.

Дочка, судя по ее виду, была немного смущена, но счастлива. А я злилась, не понимая, чего конкретно добивается Красовский. Ну, ничего, сейчас завершим праздник и действительно с ним поговорим, как он и просит. Очень, очень предметно.

– Пап! Я хочу торт! – бросился к Артуру Арсений.

Я мигом почувствовала на себе пристальный взгляд Роберта. Могла поклясться – он смотрит с насмешкой.

– Я сейчас быстро организую чай, – сказала Люба и, обменявшись со мной взглядами, ушла на кухню.

Я последовала за ней, надеясь, что на этот раз обойдётся без второго пришествия Красовского.

– Слушай, ты только меня не ругай, но этот твой бывший муж – весьма обаятельный тип, – хохотнула подруга.

А подруга ли она мне была после такого заявления? Я сложила руки на груди и хмуро смотрела на то, как Люба быстро заваривает чай и вытаскивает из шкафчика стопку блюдец для торта.

– Не понимаю таких высказываний, – сообщила я Любе ледяным, насколько это было вообще возможно, тоном.

– Ладно, Рит, ты не дуйся и не воспринимай меня в штыки. Просто Роберт... ну, другой бы не сообразил предпринять и десятой части из того, что он сделал.

Я устало опустила на стул, не в силах помогать подруге накрывать на дне рождения моей собственной дочери. Ну зачем он все испортил, а?

– Красовский всегда был слишком... умным, ага, – кивнула я. – И обаятельным, как ты выразилась. И именно его обаяние не позволило мне в своё время вовремя отреагировать, когда прозвенел первый тревожный звонок. Надо было слать его лесом ещё в тот момент, когда он впервые меня подколол по поводу моей полноты.

– Ну, то, что он в этом козёл – не поспорю. Но про дочь он уже знает, так что в любом случае вам придётся как-то взаимодействовать.

Пожав плечами, Люба велела мне:

– Давай быстро выпьем чаю, а потом вы сядете с ним и поговорите. А то, чего доброго, твой бывший муж завалится тут ночевать.

Она установила на поднос чашки и френч-пресс со свежесваренным улуном, понесла всё это в комнату, откуда сейчас не раздавалось ни звука, я же покорно подхватила стопку блюдец и столовые приборы и направилась за подругой.

В помещении, где «активно» проходил детский праздник, можно было смело поминать покойника – настолько гнетущая атмосфера чувствовалась во всём. И тишина была тоже соответствующей.

Маруся так и сидела на руках у Красовского и, судя по всему, была весьма довольна этим фактом.

– Машунь, давай ты мне поможешь торт нарезать, – сказала я дочери, потому что и дальше выдерживать вид этой картины не могла.

Она повернулась к Роберту, чуть смущённо ему улыбнулась и слезла с колен Красовского. Мы с нею быстро нарезали торт, а когда при помощи Любы стали раздавать чай и лакомство, мой бывший муж спросил:

– Марусь, а ты какое желание загадала?

О, понятно! Сейчас выяснит у ребёнка всё и начнёт задаривать её дорогим барахлом! Ведь, судя по всему, финансовое положение Красовского к этому моменту стало довольно стабильным.

Прежде, чем дочь с детской непосредственностью, что мелькнула на её личике, бросилась бы отвечать, я сказала:

– Желания озвучивать нельзя. Иначе не сбудутся.

Подала Артуру чай и торт, что не укрылось от внимания Роберта. Потому что когда мы обменялись с мужем Любы ласковыми улыбками, на лице Красовского появилось кислое выражение.

– А может... если я скажу, то сбудется? – нахмутив бровки и вяло ковыряясь в торте, пробурчала Маруська.

И вдруг выдала то, от чего я так и села на первое попавшееся свободное место.

– Я, как и в прошлый раз, когда писала письмо Деду Морозу, загадала папу!

О, нет! Только не это! Признание вышло очень трогательным и неожиданным. Но самое ужасное состояло в том, что его слышал Роберт. Он окинул меня пристальным взглядом и на лице его появилось выражение а-ля «Сейчас я ребёнка обрадую».

– Не смей! – рявкнула я, надеясь, что в глазах моих он увидит все возможные кары мира, которые я обрушу на его голову.

И по сравнению с которыми пачка геморроидальных свечей покажется Раем на Земле, даже если будет применена по прямому назначению вместе с блистерами.

– Что не смей, Ритуля? – спросил меня Красовский, уплетая торт за обе щеки. – Я просто хотел сказать Марусе, что у неё прекрасное желание. И Дед Мороз наверняка уже получил её письмо и вовсю готовит свой подарок.

Я растерянно окинула взглядом остальных. Люба спрятала улыбку за глотком чая, папа хмурился, а Артур смотрел кругом себя с непониманием.

– Всё, давайте я быстро уберу со стола и мы все пойдём. Арсюша и Маруська погуляют на площадке, мы присмотрим... – сказала подруга, начиная споро забирать чашки, в том числе и те, к которым гости едва притронулись.

Сначала я разозлилась. Эта сволочь, мой бывший муж, умудрился-таки всё испортить. Но очень быстро я поняла: чем быстрее расквитаюсь с беседой, тем быстрее Красовский свалит в светлые дали своей заграничной поездки.

Через десять минут со стола было убрано, куски торта заботливо, хоть и не без спешки, разложены по контейнерам и выданы гостям с собой.

– Я приведу Маруську через полчаса! – громко, очевидно, чтобы его слышал Роберт, для ушей которого это и предназначалось, сообщил папа, когда дети оделись и были готовы к прогулке.

– Хорошо, папуль, – кивнула я ему и, присовокупив к этому полный благодарности и немного обещания не дать себя в обиду взгляд, проводила всю компанию из квартиры.

И стоило только двери закрыться за ними, а мне – прислониться к её холодной поверхности лбом, как позади меня оказался Роберт.

Расставив руки по обеим сторонам моего тела, он буквально прижал меня собой к двери и шепнул на ухо:

– Ну вот ты и попалась, Пышечка.

Пышечка! Он так и сказал! Назвал меня моим старым прозвищем, от которого я и раньше отбивалась, как грешник от чертей, а сейчас и подавно не выглядела, как вышеупомянутое сдобное изделие. Но я знала, зачем это делает Красовский. Он меня намеренно провоцировал, вжимаясь сзади так, что я почувствовала, насколько его возбуждает наша поза.

С трудом развернувшись в его руках и пока проигнорировав желание надавать коленом туда, куда полагалось в данной ситуации, я выдохнула в губы Роберта:

– Пышечка я теперь только в определённых местах.

Отпихнув бывшего мужа, в глазах которого загорелось пламя преисподней, я провела ладонями по груди, которая после родов и кормления стала ещё более соблазнительной, а в сочетании с тонкой талией, которая теперь у меня имелась, и вовсе выглядела особо выгодно, и сказала:

– Только эти самые определённые места трогает другой. Так что посторонись, Красовский, и не капай слюной на то, что тебе не принадлежит.

Оттолкнув от себя Роберта, во взгляде которого теперь пылало ещё и искреннее негодование, я прошла обратно в комнату и устроилась на диване, сложив руки на коленях, ну точно примерная девочка.

– Ты думаешь, я не понял, что твой типа мужик, Артур, на самом деле отец Арсения? – весело поинтересовался Красовский, входя следом за мной.

Присаживаться он не стал – ни рядом, ни напротив. Стоял, как тополь на Плющихе, только руки в задние карманы джинсов сунул, приняв непосредственную позу. Я не знала, что сейчас было на душе у Роберта, но если он вот так просто переключается по своим эмоциям, то ему можно только позавидовать. Я подобным похвастаться не могла. Но умело скрывала, что этот наглец меня вывел... на всякое.

– И что в этом такого? – пожала я плечами. – У нас что, законом запрещено встречаться с людьми, у которых уже есть дети?

Робер прищурился и спросил:

– Уверена, что впридачу к ребёнку у Артура не имеется ещё и жены, которую зовут каким-нибудь интересным именем? Вера там, Надежда... Любовь?

Я вздохнула и покачала головой.

– А даже если и так... То разве мужчин это останавливает? Вот тебя же не привело в чувство, что ты женат, когда ты собрался к Лизоньке?

– Я стал спать с ней только когда мы уже были в полуметре от развода.

Я запрокинула голову и рассмеялась. Пыталась скрыть за этим смехом те отголоски боли, которые до сих пор звучали в душе, стоило нам начать обсуждать эту острую тему. Замаскировать удалось, но я всё равно ощущала, как ноет в груди. Ладно, это к лучшему. Напомнить снова самой себе, как поступил в своё время Роберт, будет нелишним.

– Ну, вот как же славно, что я в очередной раз получила подтверждение твоей измене. Так... и что ты хочешь теперь? – приняв настолько холодный вид, насколько это было в моих силах, спросила я.

Из Красовского словно бы выпустили воздух. Он с шумом выдохнул и всё же опустился на стул.

– Я знаю, что сильно облажался, Рита. Я очень перед тобой виноват. Не мотивировал тебя на похудение, а заставлял...

– Красовский, да заткнись ты уже! – зашипела я. – Хватит проходиться по моим физическим данным! Я же не говорю, например, что у тебя маленький член.

Глаза Роберта округлились.

– А он маленький? – как-то обиженно и искренне расстроившись, уточнил бывший муж.

– Видали и побольше, – припечатала я. – И не только видали, – добавила мстительно. – Но мы обсуждать не станем ни твоё хозяйство, ни мои прошлые округлости. Чего ты хочешь теперь, когда узнал, что у тебя есть дочь?

Нет, я вовсе не опасалась того, что у Роберта вдруг проснутся нестерпимые чувства к Марусе и он возжелает, скажем, забирать её на неделю, в течение которой перезнакомит со всем своим отрядом любовниц. Это было просто не в характере Красовского. Но и понимать, чего именно от него ждать, хотелось бы.

– Ну, во-первых, я хотя бы предоставлю верную информацию в визовый центр, – хмыкнул он.

Я понимала, что Роберт пытается сгладить обстановку, что в итоге у него получилось весьма хреново, надо сказать.

– Может, тогда просто обойдёмся без «во-вторых»? – приподняла я бровь.

– Нет, Рита, – помотал он головой. – У меня была возможность понять, что я хочу отныне участвовать в судьбе моей дочери.

Участник фигов! Жили без него, не тужили, и не собирались начинать существовать как-то иначе.

– Хм, интересно, как? Начнёшь с того, что заплатишь алименты за четыре последних года? – уточнила я.

Красовский схватился за бумажник.

– Заплачу. Сколько? – спросил Роб.

Мне аж интересно стало, чем это закончится.

– Ну... давай из расчёта, будто я думаю, что у тебя зарплата, как и раньше, порядка ста тысяч... Двадцать пять процентов умножим на сорок восемь месяцев. Миллион двести, – пожала я плечами.

Красовский спрятал бумажник и почесал в затылке. А потом сделал то, чего я никак не ожидала. Взял телефон и проговорил задумчиво:

– Мама как раз против, чтобы я накопленное тратил на мотоцикл.

И мне на телефон пришло входящее сообщение, очевидно, о пополнении карты, а Роб, убрав телефон, сказал:

– Продолжаем беседу.

– Продолжаем, – кивнула я. – Знаешь, мне вполне нравится, в какое русло она у нас перешла. Давай дальше, какие у тебя пункты?

Красовский смотрел на меня с восхищением. Только раньше оно было направлено на мои новые физические данные, а сейчас я видела, что Роберт кайфует от того, как именно у нас с ним происходит диалог.

– Я хочу, чтобы мы всё рассказали Марусе, – сказал он.

– Всё рассказали? О том, как ты называл меня толстой, изменил и ушёл к другой? – уточнила, приподняв бровь.

Любой психолог сказал бы, что у меня фиксация на том, что было в прошлом. Что обида от слов и действий мужа настолько сильна, что она не угасла и не угаснет в обозримом будущем. И был бы прав! Да, я ещё не пережила и не прожила то, что Красовский сделал несколько лет назад, и пока предпосылок к тому, чтобы я обо всём забыла, у меня не имелось. Но сейчас, говоря об этом, я как будто выпускала того джинна, который до сих пор таился в закупоренной бутылке.

– Нет, Рита... я прошу у тебя прощения за то, что совершил тогда. Я осознаю, насколько сильно перед тобой виноват и предлагаю всё начать с чистого листа.

Вот как? Он предлагал, ну надо же! И куда мне при всём при этом засунуть те эмоции, что на несколько лет утихомирились, а сейчас проснулись с новой силой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.